

УДК 342

Елена Викторовна ТИТОВА,
директор Юридического института,
заведующий кафедрой теории государства и права,
конституционного и административного права
Юридического института ЮУрГУ (НИУ) (г. Челябинск),
кандидат юридических наук, доцент

titovaev@susu.ru

ЦЕЛИ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

THE PURPOSES OF LAWFUL CONDUCT: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

В статье анализируется взаимосвязь целей конституционно-правового регулирования с правомерным поведением субъектов общественных отношений. Делается вывод о том, что важнейшее значение имеет национальное ценностное целеполагание, которое связано с государственной идеологией и национальной идеей. Ценностные ориентиры Конституции России, трансформированные в цели конституционного и текущего законодательства, приобретают регулирующее воздействие. Воплощаясь в правовом поведении людей, конституционные цели придают такому поведению характер правомерного.

The article analyses the interconnection between the purposes of constitutional and legal regulation and lawful conduct of the subjects of social relations. The author makes the conclusion that national value purposes, connected with the state ideology and national idea are essential. The value qualities of the Constitution of the Russian Federation transformed into the purposes of the constitutional and current legislation, acquire the regulatory effect. The constitutional purposes embodied in the legal conduct of people, give such conduct the lawful character.

Ключевые слова: правомерное поведение, цель конституционно-правового регулирования, конституционная телеология.

Keywords: lawful conduct; purpose of constitutional and legal regulation; constitutional teleology.

Поведение людей в правовой сфере неизбежно включает в себя ценностную и телеологическую составляющие. С учетом этого исследование правомерного поведения в конституционном праве невозможно без анализа целей, положенных в его основу. Будучи одной из основных составляющих правомерных поведенческих моделей, целеполагание связано с их сутью, закономерностями рассматриваемого вида поведения, позволяет найти ему соответствующее объяснение, а также установить причины возможных девиаций.

Категория «цель» является как философской, так и юридической, что позволяет рассмотреть ее с разных позиций. Так, философское понимание категории «цель» подразумевает идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта или конечный результат, на который преднамеренно направлен процесс [4, с. 42]. Юридический контекст рассматриваемой категории представляется как «идеально предполагаемая и гарантированная государством модель какого-либо социального состояния или процесса, к достижению которой

при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности» [14, с. 8]. Очевидно, что наиболее благоприятным, желаемым поведением субъектов правореализации является поведение, согласующееся с нормами, т.е. юридически должное правомерное поведение.

Прямая цель субъекта правотворчества – заложить в правовую норму маркеры должностования («должен», «следует» и другие). Однако ценность целей закона наиболее полно раскрывается только в процессе его реализации. Поэтому должное (сообразное с нормой) правомерное поведение имеет высшую степень ценности, когда становится фактом сущего, а это и есть ... желанная действительность, которая утверждается в соответствии с интересами и ценностями субъекта нормотворчества» [12, с.115-116].

Полагаем, что данный тезис является одним из ключевых для понимания взаимосвязи телеологии и правомерного поведения в конституционном праве, поскольку акцентирует внимание не только на формальном соответствии поведения норме права, но и на «вертикали» такого соответствия, включающей, на наивысшем уровне, цели самой российской Конституции. «Конституционная телеология как наука о целях и задачах конституционного регулирования и развития общества и государства связана с важнейшими областями конституционной юриспруденции: 1) с функциями конституции и особенно с телеологической (программной) функцией; 2) с конституционализацией правового порядка на основе судебной интерпретации конституционных положений и законодательного обеспечения их реализации; 3) с конституционными целями ограничений прав и свобод граждан, различных сфер отраслевого регулирования и регулирования общественного и государственного строя страны» [7, с. 82].

Содержание правовой категории «цель» динамично, что во многом обусловлено политико-правовыми особенностями построения тех или иных государственных и общественных институтов, а также психологическими аспектами восприятия права различными субъектами. С течением времени закон становится инструментом к достижению различных целей

и различных интересов, в связи с чем следует различать: 1) конкретные и абстрактные цели, ориентированные на определенные правовые отношения либо направленные на достижение желаемого состояния конституционного регулирования в целом; 2) первичные и второстепенные цели; 3) индивидуальные, социальные и национальные цели.

А. Барак также различает цели по уровню абстрактности, замечая, что на нижнем уровне располагаются индивидуальные цели, для достижения которых была создана норма, а на высшем – те глобальные цели, для достижения которых были созданы нормы специфической категории или типа. По существу, на самом высшем уровне находятся фундаментальные цели системы, которые составляют основную цель, разделяемую всеми законодательными органами. Эта цель распространяется на все нормы правовой системы, и при толковании этих норм интерпретатор должен предпочитать цели наименьшей абстрактности. При этом, по мнению ученого, уяснению цели правового регулирования должна служить нормативная концепция, которая охватывает весь контекст, способствующий раскрытию этой цели [1, с. 14].

Взаимосвязь целей конституционно-правового регулирования и правомерного поведения заключается в том, что ценностные ориентиры Конституции РФ, воплощенные в цели конституционного законодательства, осуществляют регуляцию правового поведения. Важнейшее значение в данном случае приобретает и национальное ценностное целеполагание, которое связано с государственной идеологией и национальной идеей. Кроме того, поскольку правомерное поведение всегда предметно и результативно, его результатам может быть дана «качественная» оценка в соответствии с поставленными целями. При этом следует учитывать, что правомерное поведение субъектов конституционного права выступает субъективно-действенной стороной конституционных отношений.

Таким образом, изучение правомерного поведения в конституционном праве не должно ограничиваться его рассмотрением только с позиций правореализации, поскольку такой подход, по нашему мнению, необоснованно

ограничивает содержание исследуемой категории. С позиций правомерности поведения специальных уполномоченных субъектов следует оценивать также правотворчество и правоприменение, причем каждая из этих функций может быть проанализирована как с позиций «собственной» правомерности (соответствие нормативно-правового акта Конституции РФ и, соответственно, целям конституционного регулирования), так и с позиций его опосредованного действия на вектор поведения субъектов правовых отношений.

По существу, проверка Конституционным Судом РФ тех или иных нормативных положений на предмет их соответствия Конституции РФ и есть фактическая оценка правомерности действий законодателя по их принятию и изданию, осуществленная на основе телеологического анализа соответствующих конституционных норм. Не случайно В.И. Крусс подчеркивает, что ни один субъект правотворчества не обладает и не может быть наделен компетенцией, которая позволяла бы ему принимать нормативные правовые акты без учета и тем более вопреки общенародным конституционным интересам. Независимо от того, идет ли речь об установлении формально равных ограничений или, напротив, дифференцированных гарантий и стимулов, нормативное воздействие должно осуществляться только в соответствии с «конституционной формулой» желаемого общественного состояния [9, с. 676-677]. «Конституция представляет собой свод правил, в пределах которых возможна правомерная политическая борьба» – пишет В.Д. Зорькин. «Эти правила», – замечает ученый, – «не исчерпываются Конституцией: существуют иные нормативно-правовые акты, правила морали, личные и групповые идеи и идеалы и многое другое; однако все эти регуляторы обязаны существовать в конституционных рамках. Нарушение этих границ представляет собой особую угрозу обществу, поскольку является предпосылкой к деструкции конституционно-правовых отношений в целом» [5].

Так, согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, Основной закон имеет высшую юридическую силу и законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны

ему противоречить. Это означает, что конкретизация общих, универсальных конституционных положений и заложенных в них целей в актах отраслевого законодательства должна сопровождаться лишь такой детализацией конституционных правомочий носителей конституционных прав и обязанностей, выработкой процессуальных форм осуществления ее норм, которая не противоречила бы этим целям. В процессе такой конкретизации, осуществляемой законодателем, недопустимы отступление от заложенных в Конституции РФ целевых и ценностных ориентиров, ограничение круга предусмотренных конституционной нормой правомочий или носителей соответствующих прав и обязанностей. Такие действия являлись бы неправомерными. Это обуславливает обязанность законодателя в процессе правотворчества установить с необходимой степенью формальной определенности и содержание конституционной нормы, и процедуру ее реализации.

Оценке в системе координат «цель – правомерность» подлежат и конкретные право-реализационные механизмы, создаваемые компетентными субъектами конституционных правовых отношений. В этом контексте не утрачивает актуальности подход, сформулированный В.В. Лазаревым применительно к оценке эффективности правоприменительных актов. По мнению ученого, она должна базироваться на нескольких уровнях, одним из которых является сопоставление результатов с непосредственной целью, вторым – с той социальной целью, которая достигается правомерным поведением участников правоотношения, а третьим – соотношением результатов с конечной целью, преследуемой субъектами правовых отношений [10, с. 53].

Баланс в системе «цели конституционно-го регулирования – правомерное поведение» поддерживается с помощью системы сдержек и противовесов, действующей на всех уровнях правового регулирования в отношении всех субъектов правовых отношений, создавая тем самым «...нормативный и структурный каркас для создания матрицы конституционных целей и ценностей, в рамках которых развивается вся правовая система страны...» [8, с. 160].

Н.С. Бондарь подчеркивает, что Конституция содержит очень высокий демократический потенциал во всех сферах, и поэтому она не должна подстраиваться под фактические социальные, экономические и политические отношения и поведение их участников. Наоборот, в соответствии с Конституцией должны действовать все государственные органы, должны приниматься решения на всех уровнях власти, в том числе политические [13].

На реализацию конституционных целей направлены и такие акты, как приоритетные национальные проекты, федеральные целевые программы, программы социально-экономического развития. Закрепленная в них система программно-целевого управления складывается из следующих четырех основных элементов: 1) совокупность предпринимаемых действий с указанием их исполнителей; 2) цели и параметры, выраженные в конкретных количественных и качественных результатах реализации запланированных мероприятий; 3) ресурсы; 4) временные рамки. Одним из доказательств повышения значимости целеустановочной составляющей в процессе правового регулирования является принятие Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», определяющего стратегическое планирование как деятельность по «целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации...». Это свидетельствует о внедрении в государственном секторе инструментов управления по результатам (по целям), широко применяемых в менеджменте организации. Суть такого подхода заключается в разработке и согласовании целей и задач, утверждении показателей результативности, составлении планов.

Использование в качестве классификационного критерия конкретности устанавливаемых целей позволяет выделить правовые целевые регуляторы-ориентиры и правовые целевые регуляторы-показатели. К первой группе могут быть отнесены правовые целевые регуляторы, которые позволяют пользователям нормативного правового акта понять, для чего был принят данный акт, и, таким образом, осознать его целесообразность и консти-

туционную обусловленность. Такие предписания содержатся, как правило, в начальных статьях нормативных правовых актов.

Правовые целевые регуляторы-показатели, в свою очередь, задают ориентиры – конкретные количественные величины, на достижение которых направлен нормативный акт или его отдельные положения. Таким образом, главное отличие нормы права от правового целевого регулятора состоит в том, что первая является неким шаблоном, соотнося свое правовое поведение с которым, субъекты действуют по определенной схеме: при наступлении определенных условий следует исполнить установленное правило (совершить правомерные действия), иначе наступят негативные последствия. По существу, субъекту правовых отношений предписывается определенная модель правомерного поведения, включающая информацию о том, какие именно действия он должен совершить (либо воздержаться от их совершения), при каких обстоятельствах, что произойдет в случае пренебрежения им данным правилом.

Целевой регулятор сконструирован по другой схеме: он не указывает четко субъекту, каким образом следует себя вести, и не указывает способы и средства достижения цели, однако задает «финальную точку», которой нужно достичь. При этом формирование навыков правомерного конституционного поведения неизбежно будет осуществляться с опорой на усвоенные ранее привычки и навыки. Российское общество на сегодняшний день имеет богатый опыт взаимодействия разнородных навыков (общинных, стихийно-протестных, недоверия к власти, отрицание закона и др.). Это неизбежно ведет к трудностям воспитания правомерного поведения. Преодоление их зависит от признания конституционных ценностей.

Наряду с целями необходимо обратить внимание на мотив и мотивацию личности как элемент субъективного состава правомерного поведения [11, с. 94-97]. Мотив – это нечто внутреннее для личности, то, что побуждает ее к деятельности, поведению или поступку, направляет их и наполняет смыслом.

Как цели, так и мотивы подразделяют на осознанные и бессознательные. К числу основных осознанных мотивов правомерного

поведения относят: 1) убеждение личности в необходимости права и сознательном исполнении правовых предписаний; 2) боязнь ответственности; 3) конформистское подчинение правовым предписаниям. Бессознательные же мотивы образуют так называемые «автоматизмы». В теории права традиционной точкой зрения, что «для права безразличны или даже противопоказаны акты поведения, порождаемые автоматизмами и другими бессознательными проявлениями человеческой психики» [6, с. 50-52]. Что же касается мнений конституционалистов по данному поводу, здесь можно встретить иные позиции. Так, К.В. Арановский полагает, что поведенческие навыки и автоматизмы составляют «невидимую» часть конституционализма, который представляет своего рода традицию, «оснащенную не только непосредственно видимой частью – нормативными текстами, набором политико-правовых учреждений, институтов публичной власти, но и системой мировоззренческих представлений, верований, образов, поведенческих навыков и автоматизмов» [3, с. 41-50]. В формировании этих «автоматизмов» участвует коллективный опыт, накопленный человечеством в течение всего исторического развития [2, с. 69-78]. Этот опыт способен имплицитно, основываясь на автоматизмах, участвовать в выборе субъектом той или иной – как желательной, так и нежелательной – модели конституционно значимого поведения. Так, архетип Родины-Матери вызывает патриотические чувства, преданность Родине. Выскажем предположение, что Конституция РФ в преамбуле, где указывается на верность нашего многонационального народа «памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», стремление «обеспечить благополучие и процветание России», обращается именно к коллективному бессознательному опыту.

Подводя итог сказанному, можно сформулировать следующие выводы. Прежде всего, взаимосвязь телеологии и конституционно-правомерного поведения выражается не только в формальном соответствии поведения норме права (при котором действия субъекта тоже могут носить формально правомерный

характер), но и в соотношении степени соответствия поведения целям конституционного регулирования, выраженным в нормативном акте или его отдельных положениях.

Поведение всегда предметно и результативно, что позволяет дать ему не только «качественную» (правомерное – неправомерное), но и своеобразную «количественную» оценку, выражающую степень его соответствия конституционным целям. Такая оценка может включать в себя несколько уровней, где базовым является формальное соответствие поведения субъекта нормативным предписаниям, а наивысшим – степень его адекватности конституционным целям, конституционному смыслу, заложенному с той или иной степенью абстрактности в любом нормативном регуляторе.

Рассмотрение поведения в системе координат «конституционная цель – правомерность» дает основание говорить о недооценке проблемы неправомерного поведения в правотворчестве и правоприменении, поскольку тематика конституционно-правомерного поведения исследуется преимущественно применительно к реализации конституционных прав и обязанностей. Между тем реализация права основана на конкретных нормативных актах и осуществляется с помощью правовых механизмов, которые сами по себе могут носить неконституционный характер. В значительной мере эта проблема решается Конституционным Судом РФ, акты которого способствуют элиминации неконституционных нормативных положений из правовой системы. Наряду с этим механизмом, проблема частично решается использованием системы юридических сдержек и противовесов, приобретающих особое значение в условиях дискреции законодателя и правоприменителя. Такая дискреция является неизбежной в силу того, что установление исчерпывающего и детального правового регулирования всех конституционно значимых отношений невозможно. В этих ситуациях оценка поведения как конституционно-правомерного должна основываться на том, насколько указанное усмотрение создает возможность реального осуществления конституционных прав и соответствует фундаментальным идеям, заложенным в Конституции РФ.

Библиографический список

1. Barak, A. Purposive Interpretation in Law. Princeton University Press / A. Barak. – New Jersey, 2005.
2. Антонян, Ю.М. О сущности мотивов / Ю.М. Антонян // Философские науки. – 2009. – N 5.
3. Арановский, К.В. Конституция как государственно-правовая традиция и условия ее изучения в российской правовой среде / К.В. Арановский // Правоведение. – 2002. – N 1 (240).
4. Доброхотов, А.Л. Цель / А.Л. Доброхотов // Новая философская энциклопедия. – 2000. – N 4.
5. Интервью с В.Д. Зорькиным, председателем Конституционного Суда РФ // СПС КонсультантПлюс.
6. Ковалева, Е.Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение : дис. ... канд. юрид. наук / Е.Л. Ковалева. – М., 2002.
7. Кравец, И.А. Ценность конституционной телеологии и конституционная легитимность политического и идеологического многообразия: доктрина и практика / И.А. Кравец // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – N 3.
8. Кравец, И.А. Конституционная телеология и основы конституционного строя : научно-практическое пособие / И.А. Кравец – М., 2017.
9. Крусс, В.И. Теория конституционного правоупотребления / В.И. Крусс – М., 2007.
10. Лазарев, В.В. Эффективность правоприменительных актов / В.В. Лазарев. – Казань, 1976.
11. Морозов, А.С. Проблемные вопросы квалификации субъективной стороны состава правомерного поведения / А.С. Морозов // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – N 2.
12. Неновски, Н. Право и ценности / Н. Неновски – М., 1987.
13. Шиняева, Н. «Уважение к Конституции – обязательно!» (интервью с Н.С. Бондарем, судьей Конституционного Суда РФ, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РФ) / Н. Шиняева // ЭЖ-ЮРИСТ. – 2007. – N 50.
14. Шундииков, К.В. Цели и средства в праве : дис. ... канд. юрид. наук / К.В. Шундииков – Саратов, 1999.